

ГЕОРГИЙ
МЕЛЬНИК

КОГДА ОТМЕРИШЬ
ДАТЬ ВИНУ...

СТИХИ ДЛЯ ТЕСНОГО КРУГА ДРУЗЕЙ

Георгий Мельник

Когда отмеришь дань вину...

Стихи для тесного круга друзей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564787

Когда отмеришь дань вину... Стихи для тесного круга друзей / Г.

Мельник.: Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-906914-92-7

Аннотация

Потенциальных читателей у Георгия Мельника – множество, а вот издатели всегда относились к его творчеству с долей скептицизма. А все потому, что пишет автор в основном на... винно-амуральные темы. «Но на эти ж темы писал и Омар Хайям! Писал не для театра, не для великосветских приемов, не для эстрады и трибуны, а для тогдашних застолий в дружеском кругу. И его книги из века в век находят своих читателей. Георгий Мельник тоже пишет для застолий, для современных застолий, и имеет в них успех. Так разве это не безобразие, что у него полно благодарных слушателей и нет читателей, кроме тех, кому он накорябывает свои стихи в блокноты шариковой ручкой?» – справедливо вопрошают знающие автора почитатели.

А и вправду, разве это звучит серьезно:

Чтобы повисить свой Айкью,

Я, закусывая, пью.

Или:

Своей любви от вас не скрою —

Люблю и женицын, и спиртное!

Вполне серьезно, – определили мы и решили представить широкому читателю книгу стихов «Омара Хайама из солнечного приморского Коктебеля».

Содержание

Николай Анисин. Тоска под Карадагом
Конец ознакомительного фрагмента.

5
17

Георгий Мельник
Когда отмеришь дань
вину... Стихи для
тесного круга друзей

Николай Анисин.
Тоска под Карадагом

*(Взгляд дилетанта на творчество поэта и скульптора
Георгия Мельника)*

Я люблю футбол и равнодушен к поэзии. Я с ходу могу вычислить самого классного игрока на поле, а отличить по текстам крупного поэта от мелкого у меня образования не хватает. И потому в поэтической Мекке – Коктебеле – я в минувшем году подружился с футболистом Георгием Мельником.

В молодости Георгий выступал в командах мастеров России и Украины, а в последние времена тренирует детскую футбольную сборную Коктебеля. После тренировок он, как правило, идет в парк Дома творчества писателей, где у него есть персональная скамья и пенек. На сем пне камни с вулкана Кара-Даг (Карадаг) Георгий превращает в скульптуры красавиц и гномов, в змей и зверей. Собственные творения Георгию по душе. Он сам бы на них смотрел да смотрел, но зарплата в Крыму у футбольного тренера ничтожна мала, и каждый вечер Георгий выставляет свои изделия из камня на продажу в центре коктебельской набережной – на так называемой Площади Искусств.

Я по вечерам в Коктебеле играл в теннис и, возвращаясь с кортов турбазы в Дом творчества, между прочим свидетельствовал Георгию свое почтение. Рядом с ним и его камнями нередко возникали бывшие футболисты – либо местные, либо приезжие курортники, которые в пору своего коктебельского отпуска не прочь с утра погонять мяч вместе с малолетними воспитанниками Георгия на их тренировках.

Явление вечернее собратьев-футболистов на Площади Искусств обыкновенно сопровождалось категоричной постановкой вопроса перед Георгием: что надлежит на закате солнца принять?

– *Пивка для рывка, водки для обводки, «Муската» для подката или все-таки сухого для подачи углового?*

Чаще всего на парапете у каменных скульптур откупоривались именно бутылочки сухого вина.

В компанию футболистов при Георгии я как-то легко вписался и стал в ней задерживаться и на час, и на два. А при всем том мне трудно было не обратить внимания на два обстоятельства.

Первое: Георгий абсолютно не умеет торговать. Публику, гуляющую по Площади, сильно тянуло к его вещам из камня. К ним подходили молодые парочки, одинокие юные барышни, зрелые дамы и солидные господа, их разглядывали мамы и папы с детьми. Но ни к кому из потенциальных покупателей Георгий не бросался с приязненно-приветливыми словами, никому с несказанной симпатией не заглядывал в глаза: чего изволите? Вот плоды моих трудов над камнем – хотите берите, хотите нет. Ну как при таком равнодушии к клиентам можно подвинуть их на покупку?! Георгий, заметил я себе, торговец – крайне бездарный.

Обстоятельство второе. Однажды бывшие футболисты приличную дозу сухонького смешали с портвейном, и вдруг начался между ними разговор, совершенно далекий от фут-

больных баталий.

– Приехал я, Георгий Сергеевич, прошлым летом из отпуска, прочитал жене твой стих.

*Я проснулся – нет вина,
Да к тому ж в чужой постели.
Значит – точно с «бодуна»,
Значит – точно в Коктебеле.*

И знаешь, Сергеич, недавно она его вспомнила и говорит.

– Вот тебе вот, чтоб ты целый месяц один в Коктебеле тусовался и незнамо где просыпался. Даю тебе только неделю свободы. Неделя прошла, и завтра я режу к поезду в Феодосию встречать супружницу. Видишь, Георгий, как твой прикол на нее подействовал!

Защитник в прошлом киевского «Динамо», завершив свой монолог, поднял стакан.

– Ну так за класс и мастерство.

Все дружно выпили. Но тема не закрылась. Нападающий, блиставший некогда в симферопольской «Таврии», о том же, не о футболе, а о стихах, так же речь повел:

– А моей жене, Георгий, понравилось то, что ты нам читал за ужином в «Иксе» – про пляж, бабу и выпивку. Может, повторишь это сейчас?

Упрашивать себя Георгий не заставил и, всем налив, немедленно исполнил заявку бывшего труженика ног.

*На берегу с горла-бокала
Мы пили крепкое вино,
А возле нас волна ласкала
Песчано-галечное дно.
К закату солнечного света,
Почуяв бодрости приток,
Стал говорить тебе... про это,
Ты ж стала говорить про то,
Что я тебя совсем не знаю,
Что мало выпить-закусить,
Что мужу я не изменяю,
Что, надо, мол, еще купить.
Я взял еще, и к ночи где-то
Вино дает обратный ток:
Ты стала говорить... про это,
Я ж ни про это, ни про то.*

Весь футбольный люд улыбнулся. Я тоже. Кто-то хлопнул Георгия по плечу, молвив, ты пишешь, как играют в высшей лиге. Кто-то возопил: «А про стакан, Сергеич, прочитать слабо?» Оказалось, не слабо.

Георгий повелел всем опрокинуть ранее им разлитый портвейн и запросто отозвался на очередную заявку.

– Когда звучит призыв «Налей»,

*То утверждать я не устану:
Мне блеск граненого стакана
Милей всех кубков королей.*

*Сольемся, друг, ведь мы с тобой,
Пожалуй, братья – два сосуда,
И красочно живём, покуда
Полны лишь жидкостью хмельной.*

На следующий вечер по дороге с теннисных кортов я, как и прежде, завернул на Площади Искусств к торговой точке Георгия на парапете. Он стоял в одиночестве. И проблесков жизни в нем было не намного больше, чем в его скульптурах из древних камней.

– Так-так, – вмиг я скумекал, – собратья-футболисты вчера после моего ухода от них явно бражничать не закончили и, похоже, гулеванили где-то всю ночь.

Руку Георгию пожав, я поставил сумку с ракетками к его камням и, ни слова ему не говоря, запечатал свой шаг к ларьку напротив – за отменно холодной жидкостью хмельной.

Кружка пива Георгия далеко не одухотворила, но от мрака внутри вполне избавила. И когда неожиданно-негаданно к нему подплыла знакомая дама, он раскланялся с ней живо и весело. Дама – знойного возраста доцентша из Москвы – завтра намеревалась отбыть домой, и перед отъездом решила попросить Георгия записать в ее блокнот одно из читанных им ей на днях стихотворений.

Какие рифмы Георгия по нраву ухарям-футболистам, я уже знал. А интересно, чем он зацепил благомыслящую, судя по виду, ученую москвичку? Она позволила мне мое любопытство удовлетворить. Я заглянул в блокнот, где крупным

ясным почерком Георгия было вписано аж целых двадцать строчек.

*– И не поверите, вчера, в начале мая,
Мне повстречалась знаменитая Даная!
Да, та Даная, что нагая в Эрмитаже,
Лежала в джинсовых штанах на диком пляже.
– Знакомо что-то мне, гляжу я, твое тело,
Зачем, одета, на пляжу лежишь несмело?
– Да быть нагою сотни лет такая скука!
К тому ж, одной веками жить, поверьте – мука!
– Ну, одиночество твое исправить можно,
Хотя охотников найти довольно сложно.
Ведь ты полна и маленького роста —
У нас ж стандарт: там 60, здесь 90.
Не знал, что ты за столько лет осталась девой,
Нарушить это можно только с «подогревом».
Схожусь-ка быстро за вином, возьму закуски,
Чтоб было все чин-чинарем у нас, по-русски.
Я побежал назад, о камни спотыкаясь,
Такому случаю судьбы всё удивляясь.
Вернулся – на тебе, исчезла та Даная,
Лежит другая, малотрезвая, нагая...*

У меня, крестьянина по корням, очень примитивный взгляд на всякого рода творчество: если те плоды души, ума или рук, которые искусственно не навязываются через оглушительную рекламу, имеют спрос – значит эти плоды хоро-

ши. Исходя из данной логики тогда, прошлогодним летом, я сам для себя заключил: раз стихи Георгия Мельника востребованы и футболистами с сильными ногами, и дамой-доцентом с крепкими отметинами интеллекта на лице, то он, Мельник, абсолютно бездарный торговец своими интересными публике скульптурами – талантлив как поэт.

Личный этот мой вывод меня ни к чему не обязывал: я, изготовитель заметок про политику и политиков, не читающий вообще лирических и эпических стихов и не включенный ни в какую литературную жизнь, не должен был письменно изрекать, каков поэт Георгий Мельник. И я бы ничего не изрек, если бы не один также прошлогодний случай.

В Коктебеле есть уникальное заведение – кафе «Бубны». Оно уникально тем, что в нем нет музыки. Везде, во всех кабаках на всей набережной музыка грохочет, а в «Бубнах» – тишина. Туда народ приходит разговоры разговаривать и беседы беседовать. Среди посетителей «Бубнов» у меня полно как приятелей, так и приятельниц. И одна из них в день своего 25-летия пригласила меня в тихое кафе выпить за ее красоту и счастье.

В тот же день в литературно-музыкальном салоне Славы Ложко был вечер московского поэта-сатирика, секретаря правления Союза писателей России Юрия Лопусова. Его крутые политические эпиграммы мне по душе, его остроумно-комфортная личность мне симпатична и я, разумеется,

завалился в салон, чтобы произвести ему свой читательский поклон.

На вечер Лопусова был зван и Георгий Мельник. Я оказался с ним за одним столом. Мы в меру выпили за дар Юрия Александровича, с ним вволю поговорили и с владельцем салона Ложко и, когда я вспомнил о приглашении на день рождения и о подарке для именинницы в кармане моей жилетки, было уже глубоко за полночь.

Не прийти и не поздравить милую приятельницу было бы бестактно, явиться на три часа позже – не деликатно. Прикрыть свое опоздание я уговорил Георгия Мельника, и мы побрели в «Бубны» вместе.

Там за столом именинницы Ольги нашему взору представила молодая и уже, выражаясь словами Георгия, изрядно «подогретая» компания. Меня в ней знали все, и мне с моим спутником тотчас же нашли стулья и налили по стопке коньяка. Я не сел рядом с Георгием, а, подняв вверх руки, попросил внимания. Компания умолкла, именинница кивком головы меня на речь благословила.

Я сказал:

– Ольга, дорогая, со мной к тебе прибыл Георгий Сергеевич Мельник. Он в парке Дома творчества писателей выделяет скульптуры из камня, мы там под вечер случайно встретились и к нам вдруг снизошел голос свыше. Голос принадлежал писателю Александру Ивановичу Куприну. Он нам проглаголил: «Вы, судари, нет слов, люди темные, но и

вам известно, что я некогда написал повесть «Гранатовый браслет». Замысливалась же она с иным названием. В ней не браслету надлежало фигурировать, а ожерелью. Тому самому ожерелью, которое в данный момент находится под самой высокой в парке туей и которое должно принадлежать любезной моему сердцу красавице Ольге, отмечающей сегодня день рождения. Поручаю вам забрать ожерелье и вручить Ольге.

– Место, где стоит самая высокая туя, – далее я поведал, – голос Куприна не назвал. Поэтому мы с Георгием с фонарем в руках обошли за полночи все-все туи в парке и разыскали-таки ожерелье. Вот оно, – достал я из кармана нить с гранеными камнями. – И нам остается исполнить лишь вторую часть предписания писателя – вручить.

Надев на шею именинницы гранатовое ожерелье от Куприна, я сорвал аплодисменты. Но на том не угомонился.

– Мой товарищ Георгий, избранный знаменитым литератором для одарения Ольги, творит не только каменные скульптуры, но и стихи. И если именинница пожелает, а гости ее попросят, то, я думаю, Георгий выдаст нам нечто очень интересное.

О чтении стихов на пути в «Бубны» мы не договаривались. Моя шальная инициатива застала Георгия врасплох. Он растерялся и смущенно залопотал, что, мол, и стихи у него неважнецкие и читать-то он их не умеет. Но народ на именинах, разогретый алкогольным хлебом, жаждал зре-

лиц. Георгия уломали. Он негромким и совсем не чарующим голосом стал декламировать.

*– О ты, пьянящая весна,
Ты, упоительное лето,
Для коктебельского поэта
Пора пленительного сна!
И осень – пьяница в плаще,
Зима – алкаш в потертой шапке,
Ах, если б мне еще и «бабки»,
То я бы не трезвел вообще...*

Сразу за «вообще» за столом полыхнул смех, а за ним аплодисменты – погуще, чем при вручении мной подарка имениннице. А потом раздались голоса: еще!

Следующее стихотворение Георгий преподнес так же невыразительно.

*– Когда встречаюсь я с тобой,
То абсолютно моногамен,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.